

«МЫ РАБОТАЕМ С ДУШАМИ...»

Нелли Шмелёва — одна из самых востребованных актрис **Московского Театра «Сфера»**: в ее репертуаре сегодня роли в девяти спектаклях. Интерес к духовной жизни персонажа, стремление «дойти до самой сути», подробный разбор психологии героя, тяга к классической объемной драматургии отличают эту вдумчивую несуетную артистку. Для нее важно быть в творческом поиске, избегая косности и заштампованности. Ответственное отношение к профессии и честность перед зрителем проявляются и в трудной работе с режиссером, и во внутренней неуспокоенности, и, главное, на сцене, где она предстает всегда интересной и убедительной.

— *Нелли, вы из творческой семьи? Откуда возник интерес к театру?*

— Думаю, не творческих людей вообще мало. Театром до меня никто в семье серьезно не занимался, я первопроходец, но моя бабушка принимала участие в концертах, танцевала, пела. Правда, закончилось все душевной травмой: она взяла неверную ноту, когда запедала, а ее напарница рассмеялась. Бабушка ушла и больше никогда на сцену не возвращалась.

У меня все вышло из детской игры, из песенницы. Поначалу это было увлечение или, скорее, развлечение: интересно было участвовать в разных школьных мероприятиях, показывать себя, примерять то один наряд, то другой. В выборе профессии хотелось всего и сразу. Наверное, поэтому я все больше увлекалась театром — на сцене можно быть кем угодно. Взрослея, понимаешь, что театр — это не только развлечение. Если хочешь говорить о серьезных вещах, затрагивать души других людей, недостаточно одного желания играть — необходимо умение.

— *Почему, выбрав профессию, вы поехали учиться в Ярославль, а не пробовали штурмовать столичные вузы?*

— До поступления был долгий путь — два года в театральном классе, затем училище искусств им. С.В. Рахманинова, на втором

«Нездешний вечер». Фото Е. Люлюкина

курсе которого я попала в Академический театр Драмы им. Ф.М. Достоевского (в Великом Новгороде — Д.С.). Алексей Говорухо предложил сыграть Аню в пьесе Найденова «Дети Ванюшина» — это была моя первая роль на большой сцене, в профессиональном театре, с настоящими артистами. По окончании училища можно было получить заочно высшее образование при Театре, но с условием, что после диплома я должна отработать не менее четырех лет на подмостках новгородской сцены. А мне хотелось свободы, испытаний, приключений. И я попробовала. Сначала мы большой компанией поехали в Питер, затем в Москву, но увы... Я подумала: хватит, наступалась! Приехала домой разбитая, уставшая. И тут узнала, что будет дополнительный набор в Ярославском театральном институте. Решила сделать последний бросок: была не была! В этот момент меня очень поддержала мама. Так я оказалась в Ярославле.

«Романтический возраст».
Мелисанда —
Н. Шмельёва.
Фото
В. Майорова

Очень сложно было в чужом городе, но и страшно интересно. Манила самостоятельная жизнь! Поступила на курс Вячеслава Сергеевича Шалимова, с утра до вечера — лекции, тренажи, показы, а по ночам репетиции... Чем не романтика?

— Не было желания остаться в Ярославле после выпуска?

— Вопрос, оставаться ли в Ярославле, передо мной не стоял: в «Сфере» в тот момент ушла актриса, и пустовало место. Приехала, показала, понравилась Екатерине Ильиничне Еланской. Она меня взяла сразу на главную роль в детский спектакль «Мурли», правда, я ее не сыграла: потихоньку перешла на роль сестры героини.

— Вы сразу почувствовали доверие со стороны Екатерины Еланской, руководившей тогда театром?

— Да. Я даже испугалась его. Мне всегда страшно, что я не оправдаю надежды своих педагогов, режиссеров, с которыми работаю, и это, честно говоря, иногда очень сильно тормозит — играешь с оглядкой: «Я ведь правильно все делаю?» С другой стороны, может, это маячок, чувство ответственности, которое не дает расслабиться. После «Мурли» Александр Викторович Коршунов меня взял в работу по Островскому «Доходное место» на роль Анны Петровны

Вышневецкой. Мне кажется, на тот момент эта роль была мне не по зубам, на вырост. Я боролась с персонажем, с автором, с режиссером, а больше всего с собой, но сейчас вспоминаю об этом с благодарностью.

— Что менялось в «Сфере» с приходом Александра Коршунова на должность худрука?

— Екатерина Ильинична нечасто приглашала режиссеров, старалась сама ставить. С приходом Александра Викторовича, как говорится, влилась новая кровь. Пришли молодые режиссеры — Володя Смирнов с «Безотцовщиной», Вика Печерникова с «Гадюкой», Юлия Беляева с многочисленными спектаклями. Все ребята совершенно разные, у них разный подход к работе. Мне довелось поработать со всеми.

— С кем комфортнее работать — с молодым режиссером или с опытным?

— У опытного режиссера можно научиться очень многому — разбору пьесы, умению вскрывать роль. Молодые больше следят за внешней стороной спектакля: как картинка должна выглядеть в коробке сцены или, как у нас, на круглой площадке, какой эффект производит. Они знают множество приемов, хитростей, о которых артисты могут не догадываться. Всем этим владеют и режиссеры с опытом, но они помимо этого больше уделяют внимания тому,

«Дачники».
Галерия —
Н. Шмелёва.
Фото С. Чалого

что происходит с духом персонажа. Огромный творческий опыт я получила в работе с Александром Владимировичем Паррой. Мы сделали с ним два спектакля — «Романтический возраст» Милна и «Дни нашей жизни» Леонида Андреева.

— *Насколько легко вы подчиняетесь режиссеру?*

— Я не то чтобы открыто иду на конфликт, но сопротивляться могу долго. Казалось бы, с молодыми постановщиками мы примерно одного возраста, говорим на одном языке, но все равно приходится преодолевать множество препятствий к пониманию друг друга и автора. Есть ведь еще разница между мужской и женской режиссурой. Мужчины конкретней, что ли. «Надо сделать это и это». А девушки часто говорят о чувствах. К сожалению (а, может, к счастью, — пока еще не разобралась, это преимущество или недостаток), я, если чего-то не понимаю, то и не сделаю.

— *Какая первая мысль при взгляде на распределение ролей, всегда ли им довольны?*

— Очень ярко запомнилось реакция на распределение в спектакле по Набокову «Человек из СССР», я даже не могу передать всех ощущений. Конечно же, первым делом почувствовала возложившую на меня ответственность — надо не подвести! Как у меня стучало сердце, было видно по одеж-

де, все во мне вибрировало, глаза были как блюдца. Такое было возбуждение! С Набоковым у меня вообще какая-то особенная связь еще с института и по сей день — сейчас читаю его стихи в нашем спектакле «Нездешний вечер». Сегодня спокойнее смотрю на лист с распределением, но все равно это волнующий момент.

— *Среди ваших работ много классических ролей. Вам интересен такой материал, или хочется чего-то более современного?*

— Особой тяги к более современной драматургии нет, нет раздумий вроде: «Вот если бы сыграть что-нибудь из репертуара братьев Пресняковых...». Люди не меняются, страсти и проблемы все те же, а меняются костюмы, места действий. В классических пьесах замечательный текст, хочется с ним работать.

Так получилось, что у меня много ролей, связанных с революционным временем. У Набокова речь об эмигрантах, у Горького в «Дачниках» описаны предреволюционные годы, в толстовской «Гадюке» охватывается начало и разгар Гражданской войны, НЭП. Интересно рассматривать этот период с разных сторон — трагической, комической, сатирической, поэтической (как в спектакле «Нездешний вечер», где я читаю прозу Цветаевой). Меня этот материал сов-

«Гадюка».
Ольга Зотова —
Н. Шмелёва.
Фото С. Чалого

сем не отпугивает, наоборот, притягивает. — *Есть ли роли, о которых вы мечтали, и они к вам пришли?*

— Роль нет, мечтаю о драматургах. Сейчас мечтаю о Шекспире. Очень хотелось Горького, хоть малюсенькую роль сыграть. И вдруг — раз! — я увидела себя в распределении (роль Калерии в спектакле «Дачники» — Д. С.), такое было счастье! Автор непростой, но тем интереснее. Тяжелая речь, множество монологов, и надо за этим нагромождением текста увидеть простое, но не простенькие судьбы людей, их суть — страхи, пороки, слабости. Мне это было очень интересно.

Но бывают сюрпризы, когда судьба преподносит то, о чем совсем и не думал, а ты вдруг втягиваешься и понимаешь: «Наверное, я об этом должна была мечтать, но не знала». У меня так случилось с ролью Цветаевой в «Нездешнем вечере». Она поэт, да еще и пишет прозу! Я сразу подошла к Коршунову и сказала: «Александр Викторович, вы, наверное, ошиблись... Не справлюсь, я ничего не понимаю». Но режиссер был непреклонен, и деваться было некуда. Я благодарна ему за эту возможность. Этот материал копать — не перекопать, можно столько всего увидеть, услышать! Огромное поле для работы.

Очень непростая, но ценная роль Оленьки в «Днях нашей жизни». Сейчас, когда спектакля уже нет в репертуаре, понимаю, что многое не успела осмыслить в этой работе. Вспоминаю ее с горечью, будто прервалась неожиданно чья-то жизнь, а я не успела что-то сделать, сказать...

— *Вы говорили о себе, что застенчивы. Как это сочетается с актерской природой?*

— Очень просто! Мои роли — это не я, и это дает ощущение свободы от себя. Но в то же время в работе ты идешь именно от себя. Звучит, как абракадабра: роль — не я, но идет от меня... Но, тем не менее, это так.

У меня было несколько ролей, когда мне казалось, что нет точек соприкосновения между мной и персонажем, а потом оказывалось, что есть. Профессия помогает приоткрывать в себе, в других что-то совершенно новое. Дорогого стоит найти не просто внешнюю оболочку, изобразить кого-то, а именно перевоплотиться, чтобы возник реальный, но абсолютно на тебя не похожий человек. У каждого своя кухня перевоплощения: помогают книги, живопись, наблюдение за другими людьми, а порой и совершенно неожиданные вещи дают толчки к воплощению роли — какой-то штрих в гриме, costume. В начале работы можешь даже обезьянничать, а потом твоя

«Безотцовщина».
В роли Анны
Петровны
Войницевой.
Фото Е. Люлюкина

природа соединяется с иной, и получается кто-то еще — не ты.

— Роль Ольги Зотовой — из тех, что как раз и открыла вас с неизвестной стороны?

— Это был поиск себя другой. После прочтения «Гадюки» была удивлена: «Почему я?» Меня этот вопрос долго не отпускал, но в ходе работы он отпал. Иногда все же недоумеваю, как же Вика во мне увидела гадюку? Что меня обрадовало, так это малое количество слов. Это любопытный опыт для артиста — сыграть молчаливую роль: ведь нужно не потерять внимания зрителей.

— Вы довольны публикой, приходящей в ваш театр?

— Да. Приходилось играть, как говорится, не при «своем» зале на заменах спектаклей, когда зритель шел на комедию, а попал на трагедию. Мы недавно играли «Нездешний вечер» вместо «Гадюки». Представьте: люди пришли на игровой спектакль, быстрый, динамичный, в котором чего только нет, а попали на вечер стихов. Во-первых, не все любят стихи, а если и любят, не всегда могут воспринимать их на слух. Когда идет действие, ты следишь за поведением персонажей. Даже если что-то не услышишь, ты все равно увидишь, что происходит между героями, а на поэтическом вечере так не получается. Не-

сколько человек ушли, но другие остались, и это радует: все-таки мы «взяли» зал.

— «Сфера» — не самый популярный театр Москвы. Испытываете ли вы дефицит внимания со стороны прессы и, может быть, зрителей?

— У нас театр небольшой, но все спектакли активно посещаются, залы полные. Зритель приходит, вместе с нами проживает, сопереживает — это для артиста самое главное. Лучшая реклама — когда человеку понравился спектакль, он рассказал об этом другому, и в следующий раз привел еще десятерых. Что-то о нас пишут, но я, честно говоря, не очень пристально за этим слежу. Для меня проблемы в отсутствии или недостатке прессы нет. Может, для наших кормчих это проблема. Я работаю — и работаю. Здорово, если отклик находится.

— Можно рекламировать себя по-разному, например, в телевизионном шоу, где артисты демонстрируют неожиданные таланты. Я читала в вашей анкете, что вы в детстве занимались плаванием.

— Ох уж эти анкеты в интернете... Пишешь, что умеешь плавать, а потом оказывается, что ты мастер спорта. Умеешь танцевать — значит, закончил хореографическое училище. Думаешь: «Я о себе такого не писала! А как это зачеркнуть?» Да, какое-то время я училась в спортивном классе, но совсем не-

долго. Какие-то навыки приобрела: если мне на съемках скажут переплыть через речку, утонуть не должна, но все же подстраховку попросила бы. А все эти шоу над водой или под водой — абсолютно не моя история.

— *А какие отношения у вас складываются с кино и телевидением?*

— Чтобы сниматься, надо быть достаточно пробивной. Мне хватает работы в театре, но все же хочется попробовать себя и в кино. Да, есть некоторая неуверенность из-за отсутствия опыта в этой сфере, а более всего смущают предложения! Но я уверена, что все страхи отпадут, как только возьмешься за интересную хорошую работу.

— *Какими качествами должен обязательно обладать актер и особенно молодой человек, мечтающий им стать?*

— Работоспособностью. Когда мы пришли в институт, нам говорили: у всех разные способности. Те, кто сейчас впереди, могут через полгода остаться позади, а те, кто сейчас в середине или в хвосте, могут выйти вперед. Надо постоянно быть открытым к работе, обладать смелостью, дерзостью пробовать что-то новое. Ведь очень просто превратиться в баобаб, закоснеть.

Но главное: мы должны понимать, что на нас лежит огромная ответственность, ведь мы работаем с душами.

Дарья СЕМЁНОВА

СОБЫТИЕ

ТЕАТРУ БЫТЬ!

В Самаре открылся новый театр. Событие не рядовое. Причем, театр уже со своей сыгранной труппой, в коллективе 17 молодых актеров, с готовым репертуаром. Афишу составляют спектакли по классическим произведениям и современная драма, следом за пластическим идет спектакль музыкальный. С одной стороны, неожиданно такое разнообразие вкусов. Но дело все в том, что **Самарский молодежный драматический театр «Мастерская»** вырос из учебного, а точнее из актерского курса **Ирины Сидоренко**, — завкафедрой актерского искусства **Самарского института культуры**. Постановки, на которых росли молодые артисты, одновременно становились и багажом, с которым предстояло войти в театр. Потому что все были уверены — театру быть!..

«Такие примеры, когда под курс института открывается театр, существуют, — говорит председатель Самарского отделения СТД РФ **Владимир Гальченко**, — но все это столичные примеры, и их не так много. В Москве за всю историю было открыто только пять таких театров, в Петербурге — один. Среди региональных мы пер-

вые. Мы сделали это и надеемся, что с нас будут брать пример другие регионы». Владимир Гальченко один из инициаторов создания нового молодежного театра. Один из его родителей.

Художественный руководитель «Мастерской» — Ирина Сидоренко. Главный режиссер — завкафедрой театральной режиссуры Самарского института культуры **Александр Мальцев**.

Домом для Самарского МДТ станет здание кинотеатра «Россия», но случится это лишь года через два, не раньше, здание требует серьезной реконструкции. А пока театр приютил у себя Дворец творчества им. Литвинова. В его распоряжении — ДК на площади Кирова и ДК «Нефтяник» в Куйбышевском районе. В любом случае, это те территории Самары, в которых еще не жила стационарный профессиональный театр.

Открытие прошло в «Нефтянике», только что отремонтированный ДК 5 сентября принимал своих первых зрителей. Здание находится не в самом отдаленном районе города, двадцать минут из центра на машине через реку Самарку, но одновременно в стороне от стремительно меняющейся жизни. Все